

Х. ЙОАС,

ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. М. ВЕБЕРА г. ЭРФУРТ (ГЕРМАНИЯ)

К МИРУ ЧЕРЕЗ ДЕМОКРАТИЮ? *

Автор обозначает и логическим образом пытается разрешить вопросы этики и политики войны, а также социальную логику происхождения «двойных стандартов» в политике воюющих демократических государств. Какие государства сильнее в войне: демократические или авторитарные? Какой эффект оказывает участие в войне на демократию? Эти и другие актуальные вопросы являются предметом данной статьи.

The author designates and gives a logical try to solve the issues of ethic and policy of war, as well as the social logic of «double standards» emerged in the policy of democratic states at war. Which states – democratic or authoritarian ones – are stronger at war? What impact on democracy has the state's involvement in war? These and other actual issues are discussed in the article.

Американский философ Ричард Рорти, скончавшийся в 2007 г., возможно, сделал больше всех, чтобы реабилитировать философию американского прагматизма. Наряду с традиционными философскими трудами он часто писал развернутые комментарии по поводу актуальных политических событий. Одна из его лучших работ в этом жанре – статья «Братство правит» (1996). Эту статью в «The New York Times Sunday» я читал затаив дыхание. Она представляла собой ретроспективу минувшего столетия, но рассказ велся будто бы из 2096 г. В этом рассказе-дистопии Рорти предполагает, что демократические институты США прекратили свое существование к 2014 г. и лишь после «темного тридцатилетия»¹, к 2044 г., демократия в США смогла возродиться. После длительных усилий коалиция профсоюзов и церковей наконец смогла свергнуть военную диктатуру «темных лет» и вновь обрести контроль над податливым конгрессом, с успехом «убедив избирателей, что их противники представляют собой «партии эгоизма»². Однако этот новый, реставрированный демократический порядок не являлся прямым возвратом к политическим структурам, существовавшим в начале XXI в., прежде всего потому, что именно эти структуры и позволили в свое время демократии разрушиться. Вся политическая риторика радикально изменилась, как и «отношения между моральным и экономическим порядком»³. Так же как люди в XX в. с трудом понимали, как их предки могли мириться с существованием рабства (до Гражданской войны), «так и мы, в конце XXI века, с трудом можем представить себе, как наши прапрадеды могли позволить исполнительному директору компании официально получать заработок в двадцать раз больший, чем у самого низкооплачиваемого работника той же компании. Мы не можем понять, как американцы сто лет назад могли терпеть чудовищное неравенство детей из богатых пригородов и из гетто. Сегодня такое неравенство вызывает у нас моральное отвращение, однако подавляющее большинство наших предков принимали его за прискорбную необходимость»⁴.

* Статья впервые напечатана в журнале «Merkur» (2009. Т. 5. № 63. С. 391–401) на немецком языке. Перевод осуществлен с английского языка. – *Прим. пер.*

Возможно, читатели найдут эту вымышленную ретроспективу литературным памфлетом, написанным для привлечения внимания к потенциальной угрозе демократии, порождаемой огромным уровнем социального неравенства в США. Однако идея военного захвата власти в Америке, вероятно, покажется читателям нелепой. Можно считать ее типичной фантазией обитателя «башни из слоновой кости» (безусловно, в США существует автономный мир ученых) или же плодом теории заговора вроде утверждения, будто убийство Дж. Кеннеди и отставка Никсона являются результатом махинаций разведки и Пентагона (такую информацию сейчас можно легко найти в Интернете). Но я призываю читателя внимательнее присмотреться к этой антиутопии. Ведь Рорти не поддерживал теорию заговора. Он также был далек от экзальтированности пожилого ученого – Рорти был неутомимым критиком и полемистом, причем скорее социал-демократом, чем левым радикалом. Мой личный опыт защиты диссертации и работы в США также стал своеобразной прививкой от антиамериканизма. Наконец, скептики будут приведены в замешательство тем фактом, что Рорти не является даже автором данной идеи. Рорти не упомянул, что в 1992 г. в журнале «Параметры» – официальном печатном органе армейского Военного колледжа США – появился рассказ Чарльза Данлэпа-мл. «Истоки американского военного переворота 2012 года»⁵. Здесь военный переворот «случился» в 2012 г., а не в 2014 г. Главнокомандующий из его рассказа Томас Э.Т. Брутус пришел к власти через национальный референдум. Военные суды сдерживают противников власти на местах. По замыслу автора, уже в 1990-х гг. сложились предпосылки переворота: массовая политическая апатия, нерешенные проблемы безопасности, использование вооруженных сил для неспецифических целей и острая нехватка социальной репрезентативности у военных.

Даже для тех, кто считает подобные сценарии совершенно невероятными, это полезный мысленный эксперимент. Он помогает обнажить те неуловимые предпосылки, исходя из которых мы продолжаем считать подобное развитие событий невыносимым. Ибо и в этом случае о таких сценариях стоит знать и полезно изучить их поподробнее. Как неоднократно подчеркивал ведущий немецкий исследователь проблем мира Дитер Зенгхаас⁶ (2004), исследование причин войны всегда должно сопровождаться исследованием проблем мира. Почему мы сегодня считаем невероятной войну между Францией и Германией или между Швецией и Норвегией? Почему мы считаем, что демократия сегодня не находится в опасности? Как мы должны понимать отношения между демократией и войной? И как антиутопический сценарий падения демократии в Америке связан с дебатами в социальной науке о возможности демократического мира, т. е. о сравнительно большей способности демократии поддерживать мир – по крайней мере, в отношениях с другими демократическими странами?

Если начать анализ со схематического разделения ключевых вопросов об отношениях войны и демократии, то можно рассмотреть два возможных аспекта причинно-следственной зависимости: каково значение войн для демократии и какое влияние оказывает демократический строй страны на ее поведение в военных вопросах? К этим довольно знакомым вопросам можно также добавить дихотомию, используемую социологами со времен признания теории Дарвина и получившую наиболее полное развитие в работе Парсонса «Социальная система» (1951). Это различие двух типов возможного влияния – «социализация» и «отбор», где первая означает процесс внутренней

⁵ Д. Зенгхаас (р. 1940) – известный немецкий исследователь проблем мира, представитель Франкфуртской школы; много внимания уделил исследованию социализма; автор концепции «цивилизационного шестиугольника» – механизма поддержания стабильного мира. – *Прим. пер.*

трансформации, а вторая – различную вероятность выживания в конкретной среде. Таким образом, мы приходим к четырем ключевым вопросам:

1. Каким образом войны влияют на внутреннее функционирование демократии? Усиливает ли война внутренние процессы демократизации или, наоборот, представляет угрозу как для демократических структур, так и для самой демократии?

2. В ситуации ведения войны увеличиваются ли у демократии шансы выжить благодаря ее уникальным качествам или же, наоборот, демократия скорее проиграет своим недемократическим оппонентам?

3. Заложен ли в демократии больший потенциал поддержания мира, чем в других формах социально-политического порядка, или же демократии, напротив, присущи дополнительные факторы риска?

4. Оказывает ли демократия какое-то особое влияние на природу вооруженного конфликта, когда демократическое государство вступает в войну?

Картина становится более сложной, если учесть, что понятие «война» (конфликт между государствами, которые в принципе признают существование друг друга) нельзя применять для описания всего спектра массового насилия. Если включить сюда гражданские войны и подавление или геноцид одной группы населения в обществе, то возникает еще один вопрос: предоставляют ли демократии гарантию против подобного насилия или, наоборот, такие события, как этнические чистки, представляют собой «темную сторону демократии», как назвал это Майкл Манн^{7*}?

На все эти вопросы можно найти множество ответов в истории социальной мысли. Однако это не означает, что у ученых есть эмпирически обоснованное знание подобных проблем. Все как раз наоборот. Цель этой статьи – представить несколько важных идей по поводу данной проблематики из истории социальной науки и соотнести их с современной реальностью таким образом, чтобы в результате получился достаточно обоснованный и авторитетный обзор. Я намеренно ставлю свои задачи столь осторожно, вместо того чтобы использовать «убедительные» выражения вроде «эмпирическая верификация» и т. п. Я убежден, что когда дело касается вопросов подобного исторического размаха и сложности, то те методы, которые мы обычно используем в эмпирической социальной науке для проверки гипотез, очень скоро проявляют свои границы и ограничения. Я также считаю, что методологические ограничения вовсе не «обрекают» нас на простой обмен мнениями и безосновательные разглагольствования. Мы вовсе не должны жертвовать богатством разработанных философских категорий и вниманием к многообразию проявлений объекта исследования в истории ради создания какой-то одной приглаженной операционализации. Вполне возможно прийти к выводам на основе достаточных аргументов и при этом соблюдать изложенные принципы.

Если принимать в расчет события XX в., то на второй вопрос ответить, пожалуй, проще всего: демократии обречены на то, чтобы их завоевывали в военном плане их недемократические соперники. Эта предпосылка довольно долгое время рассматривалась как заслуживающая доверия, особенно у нас, в Германии. В противоположность железным цепям приказов и централизованной власти разделение власти и сложные, всегда противоречивые и длительные демократические процедуры формулирования целей и принятия решений никогда не могли составить здесь достойную конкуренцию. Во время Первой мировой войны великий историк со страстью к социологическим обобщениям Отто Хинтце^{8**} утверждал, к примеру, что Гер-

* М. Манн (р. 1942) – британско-американский социолог; занимается проблемами этнических чисток в новейшей истории. Автор книги «Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток» (2005). – *Прим. пер.*

** О. Хинтце (1861–1940) – немецкий историк, исследователь государственного управления. – *Прим. пер.*

мания не может себе позволить стать демократической республикой ввиду ее географического расположения в центре Европейского континента. Причиной таких взглядов было представление о том, что лишь страна с исключительно безопасным геополитическим положением (как у Великобритании или США) могла в принципе обойтись без постоянной армии. В свою очередь, поскольку постоянные армии требовали централизованного государственного управления и при этом могли с легкостью превращаться в карательное орудие в руках монархов, Хинтце считал, что существует сходство между абсолютизмом и внешними угрозами, с одной стороны, и возможностью парламентаризации и безопасным положением – с другой (позже эта идея была вульгаризирована в антибританской полемике). Фантазм «государства фюрера» занимал центральное место в идеологии фашизма и национал-социализма – и при этом сопровождался фатальной недооценкой Соединенных Штатов. Вторая мировая война поставила жирную точку на недооценке способности англосаксонских демократий мобилизовать население и при этом сохранять власть. В ходе «холодной войны» лишь некоторые либералы (такие как С. Хантингтон в 1957 г.⁸) высказывали мнение, что демократии изначально слабее своих противников. Коммунистические лидеры в основном ожидали, что капитализм рухнет в результате череды экономических кризисов и технологического превосходства коммунизма. Конечно, они также предъявляли права на идею демократии для легитимизации «народных демократий». Ученые, пытавшиеся эмпирически решить вопрос о живучести демократий во время войны (самое важное исследование из этого ряда – «Демократии в войне» Дэна Рейтера и Эллана Стэма⁹), приходят к выводу, что, начиная с 1816 г., демократические государства одержали победу в ¾ всех войн, в которых участвовали. Эти авторы пишут, что уровень побед демократий будет даже выше, если брать в расчет только войны, развязанные самими демократическими государствами (по их данным – не менее 93 %). Тем временем диктатуры проигрывали четыре из десяти войн, ими развязанных. Даже когда диктатуры вынуждены были вести оборонительные войны, демократии чаще выигрывали (63 % против 34 %).

Эти цифры и их интерпретацию можно оспорить. Если демократические общества одновременно являлись более развитыми в экономическом и военном плане, то их успех вовсе не обязательно был связан с фактом их демократического устройства. Даже простой сбор данных, которые позволили бы учесть эти факторы, представляет собой сложную задачу, особенно в отношении США. Сторонники тезиса о том, что демократии более успешны в войне, отвергают подобную критику, утверждая, что она лишь подчеркивает, а не опровергает их точку зрения. Они утверждают, что демократии добровольно вступают в войну, только если уверены в своей победе. По их мнению, именно об этом и свидетельствуют данные о неравенстве экономического и военного уровня участвующих в войне государств. В таком случае демократический характер режима является не недостатком, а, наоборот, преимуществом при ведении войны. Демократическим государствам проще, чем другим, взвешивать в публичных дебатах все «за» и «против» войны, а также быстрее исправлять допущенные тактические ошибки.

Конечно, это лишь идеализированное описание. У демократии нет защиты перед внутренними атаками на критическое публичное обсуждение причин вступления или невступления в войну. В этом смысле американская демократия в преддверии последней войны в Ираке представляла собой ужасающее зрелище. Политические лидеры страны намеренно постоянно изменяли аргументацию в пользу развязывания войны: отказ от оружия массового уничтожения, терроризма, установление демократии, мира на

⁸ Д. Рейтер (США) и Э. Стэм (США) – политологи, исследователи вопросов войны и мира. В 2002 г. в соавторстве издали книгу «Демократии в войне», основные выводы которой обсуждаются Йоасом. – *Прим. пер.*

Ближнем Востоке и т. д. Конгресс лишь в очень ограниченном смысле был местом публичных дебатов; пожалуй, даже меньше, чем британский парламент. Национальные СМИ, особенно телевидение и пресса (включая «Нью-Йорк Таймс», которая позже буквально молила читателей о прощении), принимали на веру официальные доклады властей, граничащие с фальсификацией. Масс-медиа значительно сузили спектр рационально возможных действий по поводу того, «как» вести войну против С. Хусейна, практически игнорируя вопрос о том, «надо ли» вообще ее начинать. Целью управления медиа со стороны администрации Буша было создание иллюзии, сильно отличающейся от реальности, – «величайшей сказки из когда-либо проданных»¹⁰. И как это часто случается в американской истории, общественные настроения колебались так сильно, что конформизм – даже в автономной среде университетов – практически исключил из повестки дня обсуждение аргументов «за» и «против».

Правда, конечно, что по ходу течения войны обнажилась шаткость аргументов в ее пользу, а также ее неумелое планирование; однако смена общественного мнения подогревалась в первую очередь неудачами США. Со времен Макса Вебера социологи знают, что все политические приказы получают легитимность путем военных побед. Это происходило, пока Гитлер выигрывал войну, и именно победа принесла Сталину столько верных сторонников после войны. Демократии также становились более стабильными благодаря военным победам. Но что произойдет, если демократическое государство начинает войну, при этом забывая о демократических механизмах? Приведут ли такие действия к усилению демократии или же к еще более изощренному нарушению демократических принципов?

Прежде чем перейти к рассмотрению возможных последствий войны для демократии, я хотел бы дать ответ на четвертый из поставленных вопросов, а именно на вопрос о том, оказывает ли демократия особое влияние на природу вооруженных конфликтов, в которых участвует. Начиная с Руссо и заканчивая современными журналистами, часто утверждается, что демократы не только не менее жестоки, чем их враги, но могут быть даже более жестокими. В работах Руссо эта мысль основывалась на морализации войны. В теории радикального индивидуализма Руссо государства предстают искусственными образованиями, а война является столкновением между ними. Как следствие, борьба возможна лишь между государствами, но не между их гражданами. У граждан есть «право убивать» защитников враждебного государства, «пока у них в руках находится оружие; но как только они сложили оружие и сдались, они прекращают быть врагами либо инструментом врага и снова становятся всего лишь людьми, жизнь которых ни у кого нет права отнимать»¹¹. Однако представляется сомнительным, что теория Руссо может обосновать это различие между государством и людьми, особенно в случае войн между **хорошо организованными** республиками, где правит общественная воля. В таком случае различие между государством и людьми будет сведено к нулю. Но тогда легитимировано будет и уничтожение всего вражеского населения с целью победы в войне. Особенно в случае воюющих республик будет невозможно гуманизировать войну, как это задумывал Руссо. Каждый гражданин станет воином, и нельзя будет отличить солдат от мирного населения. Один небольшой комментарий Руссо к «Назидательному роману Эмиль» показывает, что он осознавал подобный исход: Руссо выдвинул гипотезу о том, что ввиду патриотического самоотжествления граждан с родиной войны между республиками ведутся с большей жестокостью, чем войны между монархиями. Токвиль придал этой идее интересный оборот в работе «Демократия в Америке». По его мысли, любое демократическое формирование вооруженных сил (т. е., по сути, сужение аристократических привилегий в обществе в целом) делает их более агрессивными, поскольку воинская доблесть в таком случае лучше

всего проявляется в ходе войны. Как следствие, в армии, основанной на принципе эффективности, может возрасти и готовность вступать в военные кампании. Токвиль верил, что можно провести различие между армией, которая стремится к участию в войне, и достаточно мирной демократической общиной: «Таким образом, мы приходим к одному-единственному следствию, что из всех армий в наибольшей степени стремятся к войне демократические армии, но из всех государств наиболее миролюбивыми являются также демократические»¹². Утверждение Токвиля – это, конечно, упрощение; оно лишь поднимает вопрос о социально-репрезентативной природе вооруженных сил и заложенных в них стандартах поведения и не идет дальше этого. В то же время аргумент, заложенный в данном умозаключении, не так-то легко отместить. Именно он вышел на первый план, когда в 1917 г. США вступили в Первую мировую войну, обосновав свой шаг универсалистскими моральными и правовыми аргументами. Карл Шмитт говорит о «повороте к пристрастной концепции войны»¹³, предполагая, что именно риторика усиливает ход военных действий. Если верить ему, то проще ограничить масштаб войн, которые ведутся без подобных риторических иллюзий и исключительно из-за противоречия интересов враждующих сторон. Если же у противников есть чувство морального превосходства друг над другом, ощущение своей исторической миссии, то все запреты отпадают: теперь это уже не битва равных соперников, а борьба между добром и злом, между хранителями порядка и теми, кто ему угрожает. Этот тезис Шмитта – как и многие другие его заявления – оказался невероятно устойчивым и по сей день цитируется, особенно в полемике, направленной против миссионерского направления внешней политики США. При этом до сих пор нет достаточных эмпирических данных в поддержку этого тезиса. Конечно, верно, что всегда существует опасность использования моральных оснований для сокрытия истинных интересов, поэтому, даже если у нас есть чувство морального оправдания, всегда необходимо острожно взвешивать средства действия и их ожидаемые последствия. На практике история насилия в XX в. не подтверждает идею о том, что большинство воювавших составили западные государства, выступавшие с морально-универсалистскими лозунгами, развязывающими руки насилию. Как раз наоборот: во время Второй мировой войны американские войска проявляли жестокость скорее на японском фронте, чем на немецком, а позже – уже во вьетнамской войне. Вдобавок к инерции насилия (которая частично объясняет массовые убийства во время войны, если только мы не рассматриваем насилие как изначальный элемент стратегии¹⁴) центральную роль в войне играло не универсалистское, а расистское чувство превосходства. То же касается и неоправданной жестокости колониальных властей – как в случае подавления восстания махдистов британцами в Судане в 1898 г.¹⁵ Это заставляет внимательнее присмотреться к насаждению западного универсализма через идеологию цивилизационного или расового превосходства. Не так давно Марк Мазовер с соавторами показали, как сильно история международного права пронизана ограниченным употреблением понятия «цивилизация», в соответствии с которым правовые нормы применимы только к «цивилизованным народам», но не к «варварам»¹⁶. Поскольку для дости-

¹² К. Шмитт (1888–1985) – немецкий юрист, философ, политический теоретик; выступал как противник либеральной демократии. Труды Шмитта оказали большое влияние на философов XX в. – *Прим. пер.*

¹³ Восстание 1881–1898 гг. в Судане против турецко-египетских властей и английских колонизаторов под предводительством религиозного лидера Махди Суданского. В результате поражения восстания Судан был объявлен колонией Великобритании. – *Прим. пер.*

¹⁴ М. Мазовер (р. 1958) – британский историк, специалист по истории Греции и Балкан. Издал книги о фашистском режиме в Европе в годы войны и о колониальных корнях ООН. – *Прим. пер.*

жения собственных целей государства предположительно будут использовать все доступные средства, то в конечном счете будут оправданы любые средства борьбы с «варварами». Такой образ мыслей может вылиться в прочные формы расизма – как, например, в случае колониализма. При этом всегда существует риск попасть именно в это русло мышления в том случае, когда происходит спонтанная или систематическая дегуманизация врага. Примеры подобной дегуманизации можно увидеть повсюду: в попытках американского правительства оправдать беззакония в Гуантанамо, в отказе понять мотивы так называемых террористов, в жестокостях пыток в Абу-Грейб*. В то же время моральному универсализму сопутствует обратная тенденция – обличать любой партикуляризм, старый или новый, освещенный или не освещенный традицией. Антиуниверсализм Шмитта изначально был лишен подобных черт; Шмитт идеализировал предположительно ограниченные в европейской истории войны и поддерживал фашистскую политику в Европе. С нормативной точки зрения сама идея увеличения масштабов насилия по моральным причинам покоится на ложном следовании. Если исходить из этой перспективы, то единственной опасностью выступает морализация международной политики, проводимая без должного внимания к институтам и процедурам. Но внимание к процедурам как раз и не является целью защитников универсалистской морали. Их цель – установление правовых норм и соответствующих органов, которые бы обеспечивали соблюдение этих норм на международном уровне. Иными словами, разбирательства по поводу военных преступлений и преступлений против человечества должны проходить законным образом. Очевидно, что перед началом иракской войны американская внешняя политика не была универсалистской; напротив, она высокомерно пренебрегала существующими формами международного разрешения конфликтов. Таким образом, мы пришли к следующему промежуточному результату: до сих пор демократические государства демонстрировали, что они сильнее своих соперников в войне, однако это ни в коей степени не должно означать, что демократии ведут себя более жестоко, чем другие государства, как раз по причине их демократической природы.

Склонны ли демократии к миру? Это третий вопрос из нашего списка. В конце 1980–1990-х гг. на эту тему проходила оживленная дискуссия, правда, не столько в социологии, сколько в разделе политической науки, известном как «международные отношения» (к сожалению, диалог между этими дисциплинами случается редко). Некоторое время казалось, что достигнут настоящий прорыв. Корни новой теории вели к классическому мыслителю с неоспоримой репутацией – Канту; при этом казалось, что эта теория настолько сильно подтверждается фактами, что складывалось ощущение, будто мы имеем дело с одним из редких эмпирических законов в социальной науке. Спустя десятилетие уверенность сторонников данной теории в ее неоспоримости сильно поблекла; нет больше и согласия по поводу ее эмпирического подтверждения. Я бы хотел кратко перечислить наиболее важные аргументы данных дебатов (из истории теории, ее систематизации и эмпирии), которые, конечно, не раскрывают всей глубины дискуссии, но дают о ней некоторое представление.

Как уже говорились, работа Канта «К вечному миру»¹⁶ (1795) стала точкой отсчета в данных дебатах. В ней Кант утверждает, что война сама по себе содержит внутренний импульс, в конце концов приводящий к миру. Рассуждения Канта сконцентрированы вокруг идеи о том, что все существ-

* Гуантанамо – место расположения тюрьмы военных сил США на о. Куба, где с 2002 г. содержались лица, подозреваемые в терроризме. Абу-Грейб – тюрьма в Ираке, где США также содержали лиц, подозреваемых в терроризме. Оба места заключения стали всемирно известны в связи с жестокими пытками заключенных и несоблюдением прав человека. – *Прим. пер.*

вующие государства имеют тенденцию стать республиками, поскольку это единственный способ легитимизации власти на широкой основе, что, в свою очередь, создает ключевые предпосылки для военного преимущества государства во времена «войн между народами». Однако если республики процветают за счет побед в войне, то меняется и их международное поведение, ведь они находятся под народным контролем, а значит, не заинтересованы в агрессивных международных кампаниях. В конечном счете, считал Кант, сами люди платят кровавую цену за участие в любой войне. Он не утверждал, что у республики есть изначально большая склонность к миру, чем у других политических режимов. Это свойство республик направлено лишь на другие республики. По мнению Канта, для этого есть культурные причины. Мирное и регулируемое разрешение конфликтов внутри страны порождает культуру мира, которая переносится на отношения данного государства с другими странами. Зона мира постепенно разрастается и становится зоной нарастающего взаимодействия и взаимного доверия между государствами. В конце концов становится возможной мировая конфедерация, при которой отношения между государствами регулируются законами, а не насилием.

В первые годы после публикации работа Канта приобрела чрезвычайную популярность, однако впоследствии была раскритикована. Часто о ней вспоминали лишь для того, чтобы привести пример наивных мечтаний. Карл Краус^{*} написал в 1920 г. такую сатиру:

Сквозь врата ада, что в реальном мире,
Мечтал он, что, наверное, наступит вечный мир.

<...>

Он карлик, дотянувшийся до неба,
Земной юдолью был ему лишь Кёнигсберг¹⁷.

Однако это была несправедливая критика: Кант не был пустым мечтателем и даже стиль его работы предостерегает от этой ложной интерпретации. Текст написан как черновик соглашения; все, что требовалось от мировых властителей, – это подписать его. Некоторые исследователи предъявляли проекты такого рода во время «холодной войны», однако те не привлекли широкого внимания, поскольку считались малоэффективными в преодолении биполярного противостояния. Кто мог предсказать в то время грядущую демократизацию или даже распад Советского Союза!? Но с концом «холодной войны» и волной демократизации в различных частях света видение нового, демократического и **поэтому** долговременного мирного мирового порядка внезапно стало задачей президентов США Дж. Буша-старшего и сменившего его Б. Клинтона, а также борцов за мир со стороны «левых» мыслителей. С критикой подобной стратегии выступили политические реалисты, поддерживающие идею политики силы. Они, в частности, как раз и предупреждали об опасности морализации внешней политики государств.

Противопоставление тезиса о демократическом мире как единственной альтернативе политическому реализму и политике силы вводит в заблуждение. Намного более продуктивно делать выводы, исследуя причины, по которым нельзя поддержать этот тезис. Большинство его сторонников согласны с реалистами в том, что если демократии вообще больше стремятся к миру, то лишь в отношении друг друга, но никак не «вообще в принципе», и это весьма важное ограничение. Оно открывает нам глаза на опасность, которая стала очевидной уже после публикации работы Канта. Еще в 1796 г. молодой Ф. Шлегель отмечал, что, пока существуют деспотические государства, «все еще остаются и ресурсы, за обладание которыми может

^{*} К. Краус (1874–1936) – австрийский сатирик, писатель и журналист, влиятельный критик немецкоязычной культурной жизни первой трети XX в. – *Прим. пер.*

разразиться война»¹⁸. И Гёррес*, который в молодости был якобинцем, два года спустя переформулировал данное положение еще более точно. Он приветствовал даже жестокую «республиканизацию всех деспотических (регулятивных) государств, насколько позволяют пространство и время»¹⁹. Стоит отметить, что подобный «мессианский интервенционизм», внутренне располагающий к насилию, не ограничивался немецкими мыслителями после Канта, его можно найти, например, в работах Томаса Пейна**. Даже сам Токвиль считал, что демократическое общество Америки культивирует весьма экспансионистский образ жизни. Именно поэтому он подозревал, что демократии можно удерживать в стабильности лишь путем экспансионистской динамики, и это представляет собой не мессианский интервенционизм, а специфически демократический экспансионизм. Впоследствии Токвиль использовал этот же аргумент для оправдания жестокой и беспощадной колонизации Алжира Францией...

Однако вернемся к рассуждениям об ограниченности версии тезиса о демократическом мире. Правдоподобие заявления о том, что это эмпирически обоснованный закон социологии, испарилось после ближайшего рассмотрения его операционализации. Какие государства XIX в. можно считать демократическими, если всеобщие и равные выборы среди граждан мужского пола, не говоря уже о всеобщем избирательном праве для женщин, были явлением очень редким? Было практически невозможно даже определить такие понятия, как «война» и «вступление в войну». Каждый раз, когда приводился пример, утверждающий, что демократические государства вступают в войну, наблюдалась четкая тенденция: либо участвующие в войне государства объявлялись недемократическими, либо конфликт между странами не хотели рассматривать как войну. Как только исследователи осознали, что постоянное уменьшение валидных случаев завело их в тупик, обнаружили теоретические и методологические последствия подобной позиции. Теперь с точки зрения теории тезис о том, что демократические государства не вступают в войну, был переформулирован скорее в относительных, чем в абсолютных понятиях. Утверждалось не то, что демократии никогда не вступают в войну друг с другом, а всего лишь то, что это случается менее часто, чем при других режимах. С методологической точки зрения произошел поворот от массовых количественных исследований всех войн и всех демократий к изучению конкретных случаев (кейс-стади). Последние позволяют вскрыть причинно-следственные механизмы, которые (предположительно) и делают демократии более склонными к миру. В аргументации Канта можно выделить две составляющие: структурную (правительство подконтрольно народу, который не хочет идти на войну) и культурную (доминирование метода переговоров при отсутствии насилия). Слабостью структурного аргумента Канта было то, что он основывался на следующем положении: обычные люди миролюбивы и при этом равнодушны к агрессивным чувствам или идеологиям. Век национализма и великих политических идеологий продемонстрировал обратное. Культурный аргумент Канта, на который теперь были направлены надежды, также пострадал от врожденного дефекта. Так бы он мог служить в поддержку тезиса о неограниченной склонности демократии к миру (пусть и эмпирически неподтвержденного), а не ограниченного положения об **относительной** склонности демократий к миру **с другими демократиями**.

Дебаты позволили сделать два вывода. Было признано, во-первых, что поведение стран на международной арене критическим образом зависит от

* Й. Й. фон Гёррес (1776–1848) – немецкий писатель, демократ, влиятельный католический политический публицист первой половины XIX в. – *Прим. пер.*

** Т. Пейн (1737–1809) – известный американский публицист и политический деятель британского происхождения, горячо поддержал Французскую революцию; автор трактатов «Права человека» и «Век разума». – *Прим. пер.*

их восприятия друг друга в качестве демократий, во-вторых, что кантовское понятие республики не совпадает с понятием демократии и либеральной культуры. Есть масса эмпирических данных, подтверждающих первый вывод, поскольку именно восприятие всегда формирует чувство надежности, делающее возможным доверие между странами. На этот аргумент можно привести контраргумент: восприятие формируется не объективным образом и на него можно влиять через «политику называния». Когда имеет место интерес, лидеры демократических стран быстро объявляют своих политических соперников недемократическими, в то время как выгодные им союзники столь же быстро объявляются «безупречными демократиями». Классический пример подобного процесса переопределения произошел при вступлении США в Первую мировую войну. В ряде проведенных исследований Рэндалл Коллинз, Идо Орен и я сам попытались показать, что до 1914 г. Германская империя воспринималась в США и в Великобритании как культурно развитая и ни в коем случае **не** недемократическая страна²⁰. Лишь когда отношения между странами ухудшились, стали подчеркиваться авторитарные характеристики Германии, а Кант, Гёте, Бетховен, Вагнер были объявлены «неправильными» и «нездоровыми». Для того чтобы идущая война выглядела как война между демократией и автократией, начиная со времени февральской революции, Россия изображалась как демократия, а Германия – как особый случай отклоняющейся модернизации. Подобные практики «оперативного переопределения» разворачиваются и сегодня. Так, в 2008 г., когда раздираемая клиентелизмом и коррупцией Грузия была вдруг объявлена маяком демократии в регионе²¹. В подобном контексте понятие «демократия» для социолога становится слишком всеохватывающим, чтобы служить точным инструментом анализа. Задача социологов в такой ситуации – подняться над ярлыками и приблизиться к социальной реальности, исследовав при этом роль понятия демократии в конструировании антагонистических стереотипов.

Другой аргумент, а именно различие либеральных и нелиберальных демократий, вводит новые ограничения для тезиса о демократическом мире. Если склонность к миру не является следствием демократического контроля со стороны населения, а либеральной культуры и индивидуализма, тогда надежды Канта на вечный мир напрямую зависят от распространения либеральной культуры, а не от распространения демократии. В этом случае (по крайней мере, как это было до сегодняшнего дня) данная теория применима только к Западу, точнее, только к периоду после Второй мировой войны. Но не может ли так случиться, что за возникновение зоны относительного мира в разных ситуациях будут ответственны различные факторы: например, беспрецедентное благосостояние и мировая гегемония в США или усталость европейцев от двух мировых войн? Может быть, мир, по большому счету, является причиной, а не следствием победного шествия либеральной культуры? Вывод из этих рассуждений ясен: демократии не обладают выраженным преимуществом в обеспечении мирного состояния; это очевидно и без учета последних тенденций к уменьшению демократического контроля за вооружением (например, через рекрутирование наемников в так называемые «частные военные компании»). Позитивный вывод, как верно отмечает Гаральд Мюллер*, состоит в том, что необходимо «выявить особые условия, в которых демократия порождает эффект поддержания мира, на который она претендует»²². С эмпирической точки зрения эти вопросы также открывают спор о том, что понятие мира не основывается на каком-то едином измерении каузальности, будь то демократия или что-то другое.

* Г. Мюллер – немецкий политолог, эксперт в области международных отношений и регулирования ядерного вооружения. – *Прим. пер.*

Иммануила Канта интересовали обе стороны причинно-следственных отношений между войной и демократией (или республикой), хотя в дебатах о демократическом мире на это обращалось мало внимания. Для Канта и не могло быть иначе, потому что сама возможность установления «гражданской конституции» (1784)²³ была основана на «законных отношениях с другими государствами». Это возвращает нас к первому из четырех вопросов, касающемуся влияния – благотворного и пагубного – войны на функционирование демократии. Еще в XIX в. социологи начали разрабатывать множество теорем, предполагавших существование механизма спирали. Существовали оптимистические и пессимистические версии данной схемы. Герберт Спенсер был одним из оптимистов²⁴. Он считал, что индустриальные общества настроены более мирно, чем военные, и что отделение военной службы от статуса гражданина, типичное для индустриального типа обществ (другими словами – профессионализация военной службы), в свою очередь, усиливает индивидуализм. «Диалектика милитаризма» Ф. Энгельса (1878) использует схожий аргумент: по его мнению, введение всеобщей воинской службы и новых видов оружия должно было привести государства Европы к финансовому краху и одновременно вооружить рабочих и крестьян²⁵. Здесь мы вновь сталкиваемся с предположением о спиралевидном, самозакручивающемся механизме, который должен привести к более мирному состоянию. Можно найти и множество пессимистических сценариев данной теории, особенно в истории американской социологии. Известный социал-дарвинист Уильям Самнер еще в 1898 г. предостерегал, что американский империализм льет воду на мельницу милитаризма и плутократии и что он несет угрозу самой американской политической культуре²⁶. В первый год Второй мировой войны (1940) Гарольд Лассуэл представил сценарий кошмара о неминуемом «гарнизонном государстве», где люди практически полностью находятся во власти «специалистов по насилию»²⁷. Однако наиболее впечатляющей является идея Ч. Райта Миллса (1950-е гг.) о том, что США порвали в XX в. со своим антимилитаристским прошлым, в результате чего сформировался альянс между экономическими монополистами и военной бюрократией, который теперь управляет самой интерпретацией реальности²⁸. Больше всего Ч. Райт Миллс опасался, что подобные установки и властные отношения не позволят предотвратить ядерную войну.

Оглядываясь назад, стоит признать, что ни оптимистические, ни пессимистические прогнозы, созданные на основе этих теорий, не подтвердились. Оба варианта интерпретации понятия спиралевидного механизма развития выглядели слишком механистическими. Может показаться удивительным, но на практике в XIX–XX вв. позитивные сценарии оказывались правдоподобными намного чаще, чем негативные. То, что Парсонс называл «инклюзией», т. е. распространением гражданских прав на ранее исключенные группы населения (чернокожих, женщин, молодежь), часто происходило после войн, как, впрочем, и расширение социальных прав населения. Например, Пол Старр считает, что свободы, урезаемые в военное время, часто возвращались гражданам после войны²⁹. В то же время все эти факты еще не свидетельствуют о том, что оптимистический вариант верен, и на это существуют две причины.

Во-первых, очевидно, что причины успеха процессов демократизации намного сложнее, чем может показаться по упрощенной схеме спиралевидного развития. Даже Спенсер и Энгельс вынуждены были пересмотреть свою точку зрения по этому поводу, а у нас сегодня есть все основания серьезно задуматься о **случайном характере успеха демократии**. По крайней мере пессимистические варианты учат нас, что войны – это не про-

²³ П. Старр – американский социолог, публицист, политолог, историк идей; исследовал историю американской системы здравоохранения, историю либерализма в США. – *Прим. пер.*

стое нарушение прогресса цивилизации, но что они могут образовывать целые эпохи и создавать **новые социальные и политические структуры**. Это касается и случаев успешного продвижения по пути демократизации, но особенно тех ситуаций, когда поражение и дестабилизация позволяют военным диктаторам или тоталитарным режимам захватить власть.

Во-вторых, нет никаких гарантий, что благоприятное влияние войны на демократию, до сих пор столь часто имевшее место, сохранится и впредь. Оптимистические интерпретации основываются на двух имплицитных положениях: о том, что войны длятся лишь ограниченный период времени, после которого, к примеру, свободы могут снова расцвести, и о том, что войны ведутся по желанию больших групп людей и зависят от их готовности поддержать военные усилия путем урезания своего потребления, согласия на более тяжкий труд и даже на риск для собственной жизни. На самом деле эти условия действуют не везде и не всегда. Ведь кто-то может систематически прикладывать усилия для того, чтобы они не действовали. Уже во времена «холодной войны» Ч. Райт Миллс опасался, что будут оправдываться всё новые ограничения и не будет никакой перспективы их отмены в предсказуемом будущем. В настоящее время так называемая «война с терроризмом» кажется просто хрестоматийным примером войны, которую никогда нельзя будет официально завершить. Заглавие недавно вышедшей в Америке книги «Война навсегда»³⁰ указывает как раз на это. Война в Ираке представляет собой совершенно новое явление с точки зрения финансирования и мобилизации войск. Несмотря на свою огромную стоимость, она сопровождалась серьезным снижением налогов, а военная стратегия в Ираке и в Афганистане была направлена на минимизацию американских потерь за счет технологического превосходства и структуры военного персонала, который совершенно не отражает американское общество в целом. Так что прежний «эффект социальной инклюзии от войны» теперь стал просто невероятным. Наряду с системной дезинформацией в ходе последних войн предпринимались попытки усилить власть президента США, поставить его действия выше закона. Ввиду очевидной некомпетентности правящего на тот момент президента США, вероятно, здесь необходимо говорить скорее об имперском вице-президентстве, чем об имперском президентстве. Даже тот факт, что это президентство завершилось, сам по себе не повернет в обратном направлении тенденцию к уменьшению институциональных гарантий демократии, наметившуюся в последние годы. Конечно, здесь нет ничего общего с рассказом Рорти о выдуманном военном перевороте, но именно этот тренд представляет собой реальную угрозу фундаментальным принципам правового государства и демократии.

Такова **моя** версия ответа, опирающаяся на личный опыт и знания, на четыре вопроса, вытекающие из напряженных взаимоотношений демократии и войны. В заключение хотелось бы высказать еще два замечания. Первое из них по природе своей нормативно. Конечно, мои замечания не свободны от ценностей; они связаны с ценностями **демократии и мира**, которые я разделяю. В полном соответствии с этим моя критика идеи **демократического мира** вовсе не является аргументом в пользу реализма политики силы. Моей целью здесь были две задачи: прежде всего уйти от чувства ложной уверенности в долгосрочном мире и подчеркнуть вероятностный, почти случайный характер демократии (и мира). Я попытался проделать это, осознавая угрозы, которые нависли над демократией и над мирным существованием. Я также благодарен Дитеру Зенгхаасу за идею шестичленного механизма обеспечения стабильного мира – так называемого цивилизационного шестиугольника. Демократия и культура конфликта представляют собой здесь лишь два из шести необходимых условия; остальные четыре – это деприватизация насилия, верховенство права, контроль над

эмоциями и социальная справедливость. Я считаю, что данный механизм нормативно убедителен и обладает огромным объяснительным потенциалом. Этот потенциал нам еще только предстоит изучить и использовать.

Мое второе замечание касается понимания социологии. Социология – и это мое твердое убеждение – должна стремиться понять настоящее, но при этом ни в коем случае не ограничивать себя его рамками. Я не упомянул в тексте столь модных теперь концептов «новых войн»¹ и «глобального общества». Асимметричные войны² – явление не такое уж и новое, а живем ли мы в глобальном обществе (и будем ли когда-нибудь жить в нем) – вопрос весьма спорный. Жгучую боль во мне вызывает склонность некоторых социологов объяснять настоящее, исходя лишь из единственной перспективы и весьма поверхностного знания истории. То, к чему призываю я, – это сильные связи социологии с другими социальными науками, особенно с философией и историей. Мы не сможем двигаться вперед, если будем игнорировать результаты наших предшественников в исследовании важных для нас вопросов. Легко преувеличить новизну современности, при этом забывая о прошедших событиях. С моей точки зрения, социология должна иметь невероятную историческую глубину анализа, глобальный охват проблем и различать – но не отделять! – нормативные и эмпирические вопросы. Макс Вебер был в этом отношении несравненным мастером, хотя это не значит, что он всегда оказывался прав! Наоборот, он, бесспорно, ошибался в своих выводах относительно демократии и войны. Я думаю, нет смысла давать реконструкцию всех его выводов и вносить в нее поправки. Перед нами стоит куда более трудная задача – возродить рассуждения Вебера в новой форме, что может произойти путем соответствующего разделения труда. Академическая дисциплина – это и форма кооперации, поэтому разделение труда является ее неотъемлемой частью. Именно поэтому вызывают сожаление попытки конкуренции между теоретиками и практиками, представителями разных социологических субдисциплин, а также исследователями, использующими качественные и количественные методы. Вместо того чтобы тратить силы на битву за престиж, мы должны сделать все от нас зависящее для продвижения разнообразных программ социологии и приложить все усилия – интеллектуальные и институциональные – для того, чтобы ковать связи между ними.

¹ См.: Rorty R. Fraternity Reigns // The New York Times. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1996/09/29/magazine/fraternity-reigns.html?pagewanted=1>. P. 1.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid. P. 1.

⁴ Ibid.

⁵ См.: Dunlap Jr. C. The Origins of the American Military Coup of 2012 // Parameters. 1992–1993. № 23. P. 2–20.

⁶ См.: Senghaas D. Zum irdischen Frieden. Erkenntnisse und Vermutungen. Frankfurt am Main, 2004.

⁷ См.: Mann M. Die dunkle Seite der Demokratie. Eine Theorie der ethnischen Säuberung. Hamburg, 2007.

⁸ См.: Huntington S. The Soldier and the State. Cambridge, 1957.

⁹ См.: Reiter D., Stam A. C. Democracies at War. Princeton, 2002.

¹⁰ Rich F. The Greatest Story Ever Sold. New York, 2007.

¹¹ Rousseau J.-J. Du Contrat Social (Première Version) // Oeuvres Complètes. Paris, 1964. T. 3. P. 279–346.

* Понятие для описания международных и гражданских войн низкой интенсивности, проходящих с широким использованием транснациональных сетей; противоположность понятию конвенциональных войн как открытых конфликтов между государствами. Основными авторами в русле концепта являются исследователь войны и мира Мэри Калдор (Великобритания), политолог и публицист Герфрид Мюнклер (Германия), военный историк Мартин ван Кревельд (Израиль). – *Прим. пер.*

** Понятие, применяемое для описания военных конфликтов, когда воюющие стороны характеризуются значительным неравенством в объеме военной мощи, стратегии и тактики, численности и т. д. Понятие отражено в работах И. Аррегуин-Тофта, С. Метца и др. – *Прим. пер.*

- ¹² Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
- ¹³ Schmitt C. Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. Berlin, 2003.
- ¹⁴ См.: Greiner B. Krieg ohne Fronten. Die USA in Vietnam. Hamburg, 2007.
- ¹⁵ См.: Mazower M. An International Civilization? Empire, internationalism, and the crisis of the mid-twentieth century // International Affairs. 2006. № 82 (3). P. 553–566.
- ¹⁶ См.: Кант И. К вечному миру. М., 1989.
- ¹⁷ Kraus K. Ausgewählte Gedichte. Munich, 1920. S. 70.
- ¹⁸ Schlegel F. Versuch über den Begriff des Republikanismus veranlaßt durch die Kantische Schrift «Zum Ewigen Frieden» // Friedensutopien. Frankfurt am Main, 1979. S. 106.
- ¹⁹ Görres J. Der allgemeine Friede, ein Ideal // Friedensutopien. Frankfurt am Main, 1979. S. 168.
- ²⁰ См.: Collins R. German-Bashing and the Theory of Democratic Modernization // Zeitschrift für Soziologie. 1995. № 24 (1). S. 3–21; Oren I. The Subjectivity of the «Democratic» Peace. Changing U.S. Perceptions of Imperial Germany // International Security. 1995. № 20 (2). P. 147–184; Joas H. Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Weilerswist, 2000.
- ²¹ См.: Allert T. Soziologie Georgiens // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 04.09.2008. S. 37.
- ²² Müller H. Antinomien des demokratischen Friedens // Politische Vierteljahresschrift. 2002. № 43 (1). S. 46.
- ²³ См.: Кант И. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht // Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie, Politik und Pädagogik. B. XI. Frankfurt am Main, 1977. S. 41.
- ²⁴ См.: Spencer H. System der synthetischen Philosophie. B. VIII: Die Principien der Soziologie. Stuttgart, 1889. S. 557.
- ²⁵ См.: Engels F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. MEGA I/27. Berlin, 1988. S. 361.
- ²⁶ См.: Sumner W. G. The Conquest of the United States by Spain // W.G. Sumner – War and Other Essays. New Haven, 1919. P. 297–334.
- ²⁷ Lasswell H. D. The Garrison State // American Journal of Sociology. 1940. № 46 (3). P. 455–468.
- ²⁸ См.: Mills C. W. Politik ohne Verantwortung. Munich, 1958.
- ²⁹ См.: Starr P. War and Liberalism // The New Republic. March 5 & 12 2007. P. 21–24.
- ³⁰ Filkins D. The Forever War. New York, 2007.

Поступила в редакцию 24.08.10.

Перевод А.А. Широкаковой